

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Евгений
Шварц

Одна ночь

Пьеса в трех действиях

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84 (4 Рос)-6
Ш33

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

Шварц, Е. Л.

Ш33 Одна ночь: Пьеса / Евгений Шварц. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 80 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-1928-0

«Одна ночь» — это пьеса о суровых буднях людей, оказавшихся во время войны в блокадном Ленинграде.

ISBN 978-5-4467-1928-0

© Шварц Е.Л., наследники, 2016

© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Марфа Васильева.

Даша — её дочь.

Сережа — её сын.

Иваненков Павел Васильевич — управхоз.

Лагутин Захар Иванович — монтер.

Архангельская Елена Осиповна —
командир санзвена.

Ольга Петровна — домашняя хозяйка.

Оля.

Нюся.

Шурик.

Действие первое

*Восемь часов вечера. Контора домохозяйства № 263, просторная, высокая, со сводчатыми потолками. По конторе из угла в угол шагает, бормоча что-то, монтер домохозяйства, старик в круглых очках, с аккуратно подстриженной бородкой, **Захар Иванович Лагутин**. Радиорупор на стене передает непрерывно отчетливый, ровный стук метронома: тик-так, тик-так!*

Лагутин (внезапно останавливаясь). Эх, праздничка, праздничка хочется. Ох, сестрицы, братцы золотые, дорогие, как мне праздничка хочется! Чтоб лег веселый, а встал легкий! Праздника, праздника, праздника бы мне!

Звонит телефон.

Слушаю! Контора домохозяйства № 263. Управхоз вышел. Говорит монтер Лагутин. Потому управхоз не пришел на совещание, что дворника хоронил. А кому еще одинокого дворника хоронить? Человек

умер на посту, шел в милицию, а попал под артобстрел. Ладно. Хорошо. Передам. *(Вешает трубку.)* Собрания, совещания, совещания, собрания... *(Обращается к репродуктору.)* Тик-так, тик-так! Что ты отсчитываешь? Скажи ты мне — что? Сколько нам жить осталось до наглой смерти или сколько до конца войны? Тик-так, тик-так!...

Вопли за дверь: «Составлю на вас акты, дьяволы!»

Вот и управхоз идет...

Распахивается дверь. Быстро входит высокий человек в старой солдатской шинели. В барашиковой шапке с ушами. Это управхоз Иваненков.

Иваненков. Вы у меня дождетесь, трепачи проклятые! Шутки шутят в условиях осажденного города!

Лагутин. Чего ты расстраиваешься?

Иваненков. Да как мне не расстраиваться? Этот чертов Шурик стоит в коридоре и подымает панику.

Лагутин. Каким манером?

Иваненков. Воздушную тревогу изображает, паразит. У-у-у! У-у-у! До того похоже, что даже я поверил, из квартиры выскочил. Уже пятнадцать лет парню, а он все шутит! Девчонки хохочут, а он старается, воет. Ну, тут я им показал, по всем лестницам от меня бежали, черти.

Лагутин. Скучают ребята.

Иваненков. Молчи! Ты что жуешь?

Лагутин. Да нет, это я так, бормочу.

Иваненков. Займи сухарик, я отдам.

Лагутин. Нет у меня, Паша, сухариков. Я ведь, Паша, ничего не запас.

Иваненков. И я не запас. Управхозу нельзя запасать. Сегодня одна гражданка в булочной научила, как обращаться с соевыми бобами. Надо их, Захар, сырыми поджарить, пока не зарумянятся, а потом уже в воду. Тут только они, проклятые, разварятся.

Лагутин. Пробовал?

Иваненков. Нет.

Лагутин. Почему?

Иваненков. Бобов нету.

Лагутин. В квартире двадцать восьмой домработница живет, Зина. Ее тетки сосед в штабе работает. Он говорит, еще только одну декаду нам терпеть. А потом непременно пойдут эшелоны с продовольствием. Со всех концов Союза пригнали к нам, Паша, муку белую, крупчатку, сахар, гречку, пшено, рис, масло и животное, и растительное, какого только твоя душа пожелает. Разобьют кольцо, откроется дорога и хлынет к нам, Паша, питание. Ты что ищешь?

Иваненков. Приказ.

Лагутин. Опять?

Иваненков. Надо, надо приказывать, Захар, надо, надо!

Лагутин. Дергаешь ты народ.

Иваненков. А его надо дергать. Надо, надо! Не понимает народ, что живет в условиях осажденного города. Буду составлять акт на каждого, кто числится

в резерве группы самозащиты, а сам во время сигнала воздушной тревоги сидит себе дома.

Лагутин. Я допускаю, что народ иногда норовит отдохнуть не вовремя, но ты, Паша, погляди на него любовно.

Иваненков. Ну и что это нам даст?

Лагутин. Это много даст! Народ держится, Павел Васильевич. И конца не видно этому запасу терпения. Есть ли на земле место серьезнее нашего города? И артобстрел, и бомбежки, и кольцо тебя душит, Паша... А как народ ведет себя? Ты посмотри любовно на это зрелище. Тут музыки нет, блеска не видно, угрюмый шагает перед нами парад, но все-таки довольно величественный. Надо бы, Паша, похвалить и приласкать жильцов каждого домохозяйства, каждой квартиры, каждой комнатки.

Иваненков. Ты его приласкай, а он тебя по морде сапогом.

Лагутин. Возможно. Народ у нас необходимый, это факт. Но....

Иваненков. Постой! Они опять хохочут! Слышишь?

Лагутин. Ребята веселятся.

Иваненков. Сейчас я им покажу, как хохотать! Они у меня станут грустными, проклятые!

Дверь распахивается. В комнату вбегает Шурик, не по возрасту длинный, узкоплечий подросток.

Ты опять, Шурик? А?

Шурик. Мы, дядя Паша, диверсанта поймали.

За дверью хохот.

Иваненков. Видал? Вот поди приласкай такого! Пятнадцать лет парню, а он все шутит!

Шурик. Дядя Паша!..

Иваненков. Я тебе не дядя!

Шурик (*очень мягко*). Дядечка, послушайте, если человек ходит по коридорам и расспрашивает, где тут управхоз сидит, то что нам делать? Мы его, дядечка, взяли. Она послушалась, идет.

Иваненков. Кто она?

Шурик. Диверсант.

За дверью хохот.

Иваненков. Пошел вон из конторы.

Шурик. Дядечка, вы посмотрите сами. Нюся, Оля, ведите её!

Иваненков. Ну, берегись, Шурик. Если это опять шуточки, а то я тебя убью и отвечать не буду!

Нюся и Оля вводят, хихикая, суровую пожилую женщину.

Это Марфа.

Ну? В чем дело? Кто вы такая?

Марфа. Приезжая.

Иваненков. Кто, кто?

Марфа. Я же тебе ответила. Подвинь стул, мальчик. Видишь, кажется, усталый человек перед тобой. (*Усаживается.*)